

Та новая картина со звёздным небом на стене, словно звезда, насильно втиснутая в самое сердце, продолжала излучать в душе Гу Чуюй тревожный, обжигающий свет.

Чувство вины за испорченное полотно, смешанное с тайной сладостью от обладания уникальным подарком, сплелись в сложную сеть, крепко сковавшую её. Она несколько раз порывалась заговорить с Цзин Мяои, пусть даже просто сказать спасибо или ещё раз попроситься прощения за ту старую картину.

Но Цзин Мяои не давала ей такого шанса.

Звёздное небо стало немым финалом, поставив точку в той случайности. С тех пор Цзин Мяои, казалось, с головой ушла в незримую войну — масштабная международная сделка по поглощению вступила в самую острую фазу.

Она стала невыносимо занята.

Ранним утром, когда Гу Чуюй, протирая сонные глаза, выходила из гостевой комнаты, Цзин Мяои уже давно покидала виллу, оставляя после себя лишь пустые стулья в столовой да след от остывшего чёрного кофе.

Поздними вечерами Гу Чуюй, обняв подушку, ждала на диване до тех пор, пока веки не начинали слипаться, но так и не слышала привычных, уверенных шагов в прихожей.

Они жили под одной крышей, но словно существовали в разных измерениях.

Первые несколько дней Гу Чуюй ещё могла терпеть.

Она убеждала себя, что сестра Мяои занята важным делом, что, как и много раз прежде, работа временно поглотила всё её внимание. Подобно домашнему питомцу, которого на миг обделили лаской, но который твёрдо уверен в возвращении хозяина, она терпеливо ждала, согреваясь воспоминаниями о былом снисхождении и особом отношении.

Она начала писать Цзин Мяои сообщения.

— Сестра Мяои, ты вернёшься сегодня ужинать? — к тексту прилагался милый стикер с котиком.

Сообщение ушло в пустоту.

Экран телефона то гас, то загорался, но окошко ответа от нужного контакта так и не появлялось.

Час, два...

Гу Чуюй свернулась на диване; по телевизору шумело развлекательное шоу, но взгляд её был прикован к телефону. Чувство, что её игнорируют, подобно крошечным муравьям, начало подтачивать её уверенность.

Лишь после десяти вечера телефон наконец пискнул.

Гу Чуюй чуть ли не бросилась к нему.

На экране красовались два лаконичных слова:

— Не вернусь.

Даже знака препинания не удостоили.

Гу Чуюй уставилась на холодные буквы, прикусила губу и быстро застучала пальцами по экрану:

— Хорошо. Тогда не забудь поесть, не переутомляйся.

На этот раз не пришло даже такого ответа, как «не вернусь».

На следующий день всё повторилось.

Она написала, что в саду расцвели розы, очень красиво.

Спустя три часа пришёл ответ:

— Мгм.

Она позвонила, чтобы просто услышать её голос. Телефон долго не отвечали, а когда трубку наконец сняли, на фоне слышались невнятные, быстрые споры на английском.

— Что случилось? — голос Цзин Мяои донёсся сквозь помехи, в нём сквозила едва уловимая усталость и сухая деловитость.

— Ни... ничего особенного, — Гу Чуюй сжала телефон, невольно смягчив голос. — Просто хотела спросить...

— Я на совещании, поговорим позже.

Гудки. Короткие и резкие.

Гу Чуюй смотрела на погасший экран, и то лёгкое волнение, вызванное картиной, окончательно сменилось растущей пустотой.

Поговорим позже? Когда это позже? Сегодня вечером или в какой-то неведомый завтрашний день?

Два запланированных ужина были отменены в последний момент.

В первый раз она тщательно нарядилась, надела платье из последней коллекции, которое Цзин Мяои привезла ей из Парижа, и просидела в уютном маленьком ресторанчике от заката до глубокой ночи.

В итоге дождалась лишь извиняющегося звонка от помощника Ван:

— Госпожа Гу, приношу глубочайшие извинения. У госпожи Цзин затянулось совещание, она никак не может освободиться. Как вы смотрите на то, чтобы...

Во второй раз она даже не успела собраться, как днём получила сообщение об отмене.

— Почему? — не выдержала она, переспрашивая по телефону, в её голосе звучала обида и требовательность, которых она сама не замечала.

На том конце провода помолчали несколько секунд, затем раздался приглушённый, охрипший голос Цзин Мяои:

— Возникла срочная ситуация. Слушайся, поешь сама.

Опять «слушайся».

Гу Чуюй ненавидела это слово.

Оно действовало как заклинание, легко опечатывая все её чувства и недовольство, выставляя её ожидание и тоску чем-то незрелым, не «послушным».

Тревога, словно влажный плющ, безумно разрасталась в этой пустой, роскошной вилле.

Она начала постоянно проверять телефон, каждые несколько минут включая экран, чтобы убедиться, что не пропустила ни одного сообщения. Она снова и снова открывала чат с Цзин Мяои, глядя на бесконечную вереницу зелёных блоков своих сообщений и редкие, до жадности короткие белые ответы.

Этот резкий контраст пугал её.

Она даже начала специально прикрывать рот рукой, тихо кашляя во время звонков, или говорить в нос.

— Сестра Мяои, мне кажется... я немного приболела.

Она надеялась услышать заботу и беспокойство, надеялась, что, как и раньше, даже малейшее недомогание заставит Цзин Мяои обратить на неё внимание.

На том конце воцарилась короткая пауза, за которой последовал тихий стук клавиш и уставший, едва сдерживаемый голос:

— Отдыхай. Пусть дядя Чэнь вызовет врача.

Никаких обещаний приехать, никаких нежных расспросов — лишь сухая, формальная инструкция.

Гу Чуюй повесила трубку и уткнулась лицом в мягкую подушку.

Бесполезно.

Все её маленькие хитрости и уловки выглядели такими бледными и нелепыми перед лицом лавины работы Цзин Мяои.

Она больше не была той Гу Чуюй, которая могла легко управлять эмоциями и поступками Цзин Мяои.

От этой мысли стало невыносимо холодно.

Она бродила босиком по пустой, безмолвной вилле. За огромными панорамными окнами сиял ночной город: неоновые огни, бесконечный поток машин, суета и блеск.

Но в этом огромном пространстве она была совсем одна.

Шаги гулко отдавались на полированном полу, лишь подчёркивая мёртвую тишину вокруг.

Она подошла к кабинету Цзин Мяои — дверь была плотно закрыта. Гу Чуюй толкнула её, внутри царил мрак, лишь лунный свет очерчивал холодные контуры мебели. Картина со звёздным небом в темноте казалась размытым пятном.

Она зашла в столовую — на длинном столе стояли изысканные серебряные подсвечники, но приборы были накрыты только для одной.

Вернувшись в гостиную, она забилась в угол дивана, обхватив колени руками.

Небывалая паника, словно ледяной прилив, беззвучно подступила к сердцу, поглощая её целиком.

Сестра Мяои... она больше не нуждается в ней?

Неужели появились дела поважнее, ценнее, и теперь она, этот обуза, способная лишь на капризы и беспокойство, по праву была отставлена в сторону?

Неужели те уникальные проявления нежности, та молчаливая защита — всё исчезнет без следа вместе с этой бесконечной занятостью?

Она смотрела на безбрежную ночную мглу за окном и чувствовала себя забытой в углу звездой, которая, как ни старайся светить, уже никому не нужна.

На вилле горел яркий свет, но он не мог разогнать холод, постепенно сжимавший её сердце.

Тень, имя которой было «потеря», безмолвно накрывала её.

<http://bllate.org/book/19581/1920141>